

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 68–81.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 3 (88):68–81.

Научная статья

УДК 821.111.09"17"

DOI 10.37724/RSU.2025.88.3.007

Репрезентация ритуалов публичного наказания в английской и американской популярной литературе XVIII века

Светлана Анатольевна Васильева¹, Ирина Мариковна Эрлихсон², Владимир Викторович Туарменский³

¹ Академия ФСИН России, Рязань, Россия

² Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

³ Академия ФСИН России, Рязань, Россия

¹ Vasi-svetlana@yandex.ru

² i.erlihson@rsu-rzn.ru

³ tuarmensky@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ английской и американской популярной литературы XVIII века на предмет отражения ритуалов публичного наказания. Изначально назидательная риторика криминальной литературы предположительно должна была служить инструментом воздействия на общество, создавать моральный барьер для потенциальных правонарушителей. С начала XVIII века в британском варианте концепт публичного покаяния преступника подвергся десакрализации и делигитимации, что отразилось как в ритуалах исполнения наказаний, так и в литературных репрезентациях — героизации образа преступника и эстетизации криминального поведения. В концептосфере американской колониальной культуры система моральных ценностей не претерпевает подобной ломки, границы криминального мира остаются четко обозначенными. В суровых условиях колониального быта религия остается важным регулятором социальных отношений, основой общественной морали и нравственности, гарантом сохранения семейных и общинных устоев. Посредством сравнительного анализа ритуалов публичного наказания в правовой и социокультурной сферах метрополии и американских колоний поставлен вопрос о соотношении аутентичности/рецепции мировоззрения и поведенческих установок.

В приложении вниманию читателя предложены две американские «площадные баллады» в авторском переводе. На основе рассмотренных концептов британской и американской колониальных культур выявлено значительное влияние метрополии на становление американской нации. Тем не менее уникальные исторические события, которые переживали северо-американские колонисты, способствовали динамичному обособлению американцев во многом через отрицание британских черт в сфере политики и права. Складывание самостоятельного американского законодательства привело к изменению ритуалов и их репрезентации в литературных источниках.

Ключевые слова: Великобритания, американские колонии, XVIII век, правосудие, смертная казнь, «площадная литература».

Для цитирования: Васильева С. А., Эрлихсон И. М., Туарменский В. В. Репрезентация ритуалов публичного наказания в английской и американской популярной литературе XVIII века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 68–81. DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.007.

Original article

Representations of public punishment rituals in 18th-century English and American popular literature

Svetlana Anatolyevna Vasilyeva¹, Irina Marikovna Erlihson², Vladimir Viktorovich Tuarmensky³

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

² Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

³ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

¹ Vasi-svetlana@yandex.ru

² i.erlihson@rsu-rzn.ru

³ tuarmensky@gmail.com

© Васильева С. А., Эрлихсон И. М., Туарменский В. В., 2025

Abstract. The paper analyzes 18th-century English and American popular literature containing depictions of public punishments. Initially, the instructive rhetoric of crime literature was supposed to be a tool for influencing society, creating a moral barrier for potential offenders. Since the beginning of the 18th century, the British concept of public repentance by criminals underwent desacralization and delegitimization, which was reflected both in the rituals of punishment and in literary representations — heroization of the image of the criminal and aestheticization of criminal behavior. In the conceptual sphere of American colonial culture, the system of moral values did not undergo a similar breakdown, and the boundaries of the criminal world remained clearly defined. Under the harsh conditions of colonial life, religion remained an important regulator of social relations, the foundation of public morality and ethics, and the guarantor of the preservation of family and community values. Through comparative analysis of public punishment procedures in the legal and sociocultural spheres of the metropolis and the American colonies, the paper raises the issue of the relationship between authenticity/reception of worldview and behavioral attitudes.

The appendix offers readers two American “broadside ballads” in our translation. Based on the concepts of British and American colonial cultures discussed above, the texts reveal significant influence of the metropolis on the formation of the American nation. Nevertheless, the unique historical events experienced by North American colonists contributed to the dynamic separation of Americans, largely through the rejection of Britishness in the spheres of politics and law. The development of independent American legislation led to changes in rituals and their representation in literary sources.

Keywords: Great Britain, American colonies, 18th century, justice, capital punishment, “broadside.”

For citation: Vasilyeva S. A., Erlikhson I. M., Tuarmensky V. V. Representations of public punishment rituals in 18th-century English and American popular literature. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 3 (88):68–81. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.007.

Введение

Феноменальным отличием эпохи глобализации является ответная актуализация поиска национальной идентичности. Сэмюэл Хантингтон убежден, что в современном мире многие страны ведут если не поиск, то борьбу за национальную идентичность, пытаясь противостоять ее «фрагментации» на идентичности субнациональные, групповые, религиозные и т. п. [Хантингтон, 2004, с. 36]. И в этом поиске-борьбе одну из концептуальных ролей играет осознание своих уникальных исторических особенностей. По мнению К. Гаджиева, «То, чего хочет и делает, чего добивается и к чему стремится тот или иной народ, как он определяет и оценивает свое место и миссию в мире, помимо всего прочего, определяется также тем наследием, которое этот народ получил от своего прошлого. Он обретает свой специфический портрет, свой неповторимый, если хотите, иконографический образ через свою историю и поэтому понимание идентичности достигается через проникновение в эту историю» [Гаджиев, 2011, с. 6]. Однако «проникновение в историю» для определения, например, точки отсчета, с которой общее прошлое — историко- и социокультурная идентификация — фиксируется, представляет очередную исследовательскую проблему, поскольку может ассоциироваться со множеством географических, исторических, геополитических, этнографических и иных параметров.

К примеру, одна из самых молодых и динамично развивающихся наций — американцы — могут связывать начало исторической судьбы своего народа как с первым переселенцем, который вступил на эту «девственную» землю, «остановился на мгновение и почувствовал, что находится под незнакомым небом, дышит совсем другим воздухом, что перед ним раскинулся Новый Свет, и он может полагаться только на собственные силы и Провидение» [Литературная история ... , 1977, с. 23], так и с войной с Англией 1812–1815 годов, когда американцы отстаивали свою государственную самостоятельность и территориальную целостность, результатом которой стала «внутренняя консолидацию американского народа как самостоятельной нации» [Болховитинов, 1966, с. 513]. Такой «разброс» определений проявления исторической индивидуальности не миновал научный дискурс: исследователи с обеих сторон Атлантики многократно подвергали пересмотру взаимоотношения и взаимоидентификацию жителей метрополии и колоний. Если в ранней американской историографии безапелляционно связывали отсчет национальной истории США с основанием колоний, то альтернативные историографические течения убедительно аргументируют в пользу единства истории Великобритании и ее колоний (даже бывших!), поскольку их объединяли английская культура, язык, общность англо-саксонского права, религиозных представлений и множество других интегративных характеристик [Адамова, 2010].

Авторы данной статьи не претендуют на всеобъемлющие выводы и обобщения. Вниманию читателя предлагается сравнительный анализ одного из концептов правового и социокультурного пространства метрополии и американских колоний с вынесением на самостоятельное суждение вопрос о соотношении аутентичности/рецепции. Речь пойдет о репрезентации образов публичного наказания в английской и американской «площадной литературе» XVIII века.

Основная часть

В эпоху Средневековья и раннего Нового времени публичная смертная казнь оставалась ведущей формой уголовного наказания. Отечественный юрист А. Кистяковский полагал, что в рассматриваемый период способы отправления правосудия в публичной форме решали двудединую задачу: с одной стороны — ретрибутивное воздаяние за нарушение установленного порядка, с другой — превентивное устрашение: «По городам на площадях возвышались прочно построенные виселицы, на которых постоянно висело несколько десятков казненных. По временам воздвигались костры, после которых оставался в иных местах лес обгорелых столбов как памятник казней; здесь был выставлен колесованный, там шел ряд кольев с воткнутыми на них головами, в другом месте были прибиты различные члены казненных... Чем тяжелее было преступление, чем жесточе хотели наказать, тем торжественнее совершали казнь, с процессиями, народ собирали звоном колоколов». По мнению автора, такой «особенный урок народу» был задуман с целью «отвратить народ от преступления путем, так сказать, наглядного обучения» [Таганцев, 2001, с. 78].

Под влиянием ряда факторов происходило формирование особенностей национальных ритуалов и социокультурных практик, связанных с исполнением наказания в форме смертной казни. Среди европейских стран в рассматриваемую эпоху Англию определяют как «классическую страну применения смертной казни», по праву занимавшую первое место по числу преступлений, за которые полагалась высшая мера [Фойницкий, 1889, с. 134–135]. Экспрессивные описания ритуальной сюжетики, которая определяла соответствующее поведение всех участников данного зрелища: представителей правосудия, преступников, священников, толпы — встречаются в многочисленных публицистических и художественных произведениях. Однако гораздо бóльшую популярность и беспрецедентный читательский спрос имела так называемая «площадная литература» о преступлении и наказании — плутовские романы и кони-кэтчинги¹, криминальные баллады, воровские памфлеты и предсмертные речи осужденных.

Жанр английской криминальной литературы в целом сложился еще в эпоху Тюдоров. Современный исследователь Н. В. Карначук отмечает характерные каноны «уголовной» баллады, имевшей хождение в английском обществе в раннее Новое время: «Во второй половине XVI в. уже сложилась традиция оповещать “добрых людей” в прозе или в стихах о преступлениях — точнее, о каре за преступления, потому что практически все подобные произведения несли, начиная с заглавия, информацию о казни виновных или о заключении их в тюрьму, именно наказание, а не преступление рассматривалось как ключевое событие. Уже выработался определенный канон изложения, возникли некоторые смысловые и лексические штампы» [Карначук, 2009, с. 85]. По мнению исследователя, подобный тип площадной литературы, информирующей о громких преступлениях и казнях, с начала XVII века выполнял «среди прочего функции газеты» [Карначук, 2010, с. 332].

Выделяют сложившиеся каноны жанра английской криминальной баллады раннего Нового времени. Во-первых, *повествование от имени преступника*, который, сообщая о злодеянии, непременно говорит о глубоком раскаянии. Во-вторых, стандартный набор *адресатов баллады*: в первую очередь Бог, к милосердию и прощению которого осужденный на казнь взывает, во вторую — толпа, к которой направлен призыв извлечь из его преступления моральный урок, и только потом — представители власти (монарх, судья или в целом страна), от которых он уже не ждет помилования, ведь приговор прозвучал и казнь заслужена, с чем он неоднократно согласился в своей предсмертной речи! В-третьих, это *устойчивость оценок и интонаций*, отражающих психосоциальные установки потребителей криминальной баллады [Карначук, 2009, с. 85–86]:

¹ Короткие памфлеты о проделках мошенников, популярные в Англии в XVI–XVII веках.

Прошу прощения у взрослых и детей,
 Прощенья — у тех, кого я обманул,
 Прощения, сладчайший Христос, умоляю тебя,
 Соизволь, благой Господь, спасти мою душу².

Отечественные и зарубежные исследователи соглашаются с тем, что в Средневековье и раннее Новое время «площадная литература» неплохо справлялась со своей задачей «наглядного обучения» и выполняла дидактическую функцию воспитывать массы, интегрируя в сознание идею неизбежного воздаяния за нарушение социальных и правовых норм [Карначук, 2010 ; McKenzie, 2003 ; Sharpe, 1985].

Вместе с тем в XVIII столетии отмечается как эволюция публичного ритуала отправления правосудия в форме смертной казни, так и его отражение в английской популярной литературе рассматриваемого периода. Английский парламентарий сэр Томас Смит еще в XVI веке утверждал, что ни в одной стране, кроме Англии, преступники не отправляются на казнь с такой отчаянной смелостью. В 1834 году в британском издании «Журнал Фрэйзера» появился очерк, в котором неизвестный автор предпринял попытку критического разбора удивительной страсти к виселице, которую испытывали его соотечественники веком ранее (что в 1830-х годах автора уже неприятно поражает), и сопровождал выдержками из «записей прошлого столетия», презентуя «... в высшей степени странные сцены, когда приговоренные прибывали в Тайберн³ в наемном экипаже, облаченные в лучшую одежду, с букетом в петлице, по пути сделав несколько остановок в тавернах, чтобы влить в себя не одну пинту крепкого алкоголя» [Hints for a History ... , 1834, p. 282].

Эмоционально-духовная атмосфера ритуала отражена во многих источниках, но одно из самых ярких и подробных описаний оставил Бернард Мандевиль в аналитическом трактате «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне». Особое внимание философ уделяет поведению висельников, чьи образы овеяны романтизированными легендами. Кульминацией тайбернского шоу, безусловно, являлась предсмертная речь осужденного, которая в XVIII веке превратилась в особый концепт массовой культуры. Приговоренные к смертной казни, стараясь не обмануть ожидания толпы, готовили последнее слово тщательно, иногда даже зачитывали с листа. В содержании предсмертной речи все реже слышалось неистовое покаяние в стремлении вымолить прощение перед Богом, характерное для баллад Средневековья. Все чаще действие превращалось в дерзкую буффонаду и насмешку над властями. Публика, в свою очередь, восхищалась пьяной бравадой, с которой принимал смерть преступник и восклицала: «Хорошо умер!». Тем же, кто демонстрировал слабость, слезы раскаяния и взывал к помилованию доставались унижительные осмистывания и оскорбления толпы [Mandeville, 1725].

Подобные описания тайбернского шествия можно встретить у С. Ричардсона [Richardson, 1741], С. Кервена [Curwen, 1845], Г. Филдинга [Fielding, 1751], Дж. Хэнвея [Hanway, 1775] и других авторов, в произведениях художественной литературы эпохи, а также в материалах уголовного суда Олд-Бейли. Историк А. Маккензи убеждена, что именно толпа побуждала преступника демонстрировать худший пример неповиновения власти: «вместо того чтобы служить наглядной демонстрацией того, что ожидает тех, кто нарушит Уголовный кодекс, публичные повешения XVIII в. превратились в унижительный зрелищный вид спорта: тот, в котором чванливый преступник умирает “играючи”, чтобы воскреснуть в общественном сознании как квазимученик» [McKenzie, 2003, p. 168]. Таким образом, к середине XVIII века устрашающий эффект виселицы и эшафота полностью утратил свои дидактические функции, став для лондонцев одним из самых зрелищных мероприятий и излюбленных способов проведения досуга. «Ярмарки Тайберна» собирали рекордные толпы зрителей: так, в 1776 году свидетелями исполнения приговора стали тридцать тысяч человек, а в 1767 году — восемьдесят тысяч. Для желающих «поглазеть» на исполнение приговора сооружались деревянные трибуны, некоторые гильдии даже давали мастерам и ученикам выходной в день экзекуции.

Трансформация ритуала исполнения смертной казни повлекла, в свою очередь, соответствующие изменения в содержательной и психоэмоциональной стороне литературы криминальной тематики. Можно сказать, что дидактика и назидание постепенно уступают место возвеличиванию

² Цит. по: Карначук Н. В. Темы преступления и правосудия в английской популярной литературе конца XVI — начала XVII вв. // Средние века. 2010. Т. 71, № 3–4. С. 360.

³ Тайберн — деревня в графстве Миддлсекс. С XII века по 1783 год являлась официальным местом казни осужденных.

«культа преступника». С конца XVII века криминальные биографии в сопровождении последней речи осужденного обычно печатали по четыре страницы на широкоформатном листе бумаги, чтобы читатель мог самостоятельно сложить, прошить и разрезать ее, таким образом сформировав буклеты, которые продавали на ярмарках и во время публичных казней. Целевая аудитория таких произведений варьировала от городской бедноты, которая охотно раскупала дешевые (не более пенни за штуку) издания, до добропорядочных буржуа и утонченных интеллектуалов-аристократов. Криминальные истории вызывали такой ажиотаж, что расчетливые дельцы, следуя экономическому закону спроса и предложения, извлекали из этого выгоду, способствуя тем самым дальнейшей популяризации явления. Примером может служить предприимчивый издатель Дж. Эпплби, который в журнале “The Original Weekly Journal” систематически публиковал «исповеди висельников» и их предсмертные речи. Оформив доступ к официальным отчетам и сведениям о заключенных в Ньюгейте узниках, издатель на возмездной основе получал информацию от сотрудников тюрьмы. Впоследствии Эпплби начал нанимать анонимных журналистов в качестве биографов, заключенные же получали за истории небольшую плату, причем за особенно сенсационный материал можно было заработать до 25 фунтов. Идея собирать буклеты в альманахи привела к появлению уникальных справочно-биографических изданий. Речь идет о знаменитых Тайнбернском и Ньюгейтском календарях — коллекциях преступных биографий, предсмертных проповедей, назидательных историй, объединивших ветви и поджанры английской криминальной литературы [The Newgate Calendar ... , 1824–1828].

Календари предположительно должны были продолжить назидательную стратегию, заложенную в английской криминальной балладе XVI века. На одном из томов в качестве фронтисписа издатели разместили гравюру с изображением respectable дамы, вручающей чтиво сыну на фоне открытого окна, где явственно угадываются очертания виселицы и болтающегося на нем тела (рис. 1): «Мы представляем наш скромный труд на суд общественности, — гласило предисловие — нимало не сомневаясь, что после внимательного прочтения его сочтут пригодным для ограждения юных умов от порочных соблазнов и поддержания общего блага»:



Для материнского стремления
Чад оградить от преступления
И предназначен этот труд.
Здесь воровство, разбой и блуд
Несут заслуженную кару,
Внушая страх младым и старым.

Рис. 1. Frontispiece from The Newgate Calendar /
ed. by D. ó Danachair, publ. by the Ex-classics project. 2009.
URL : <https://www.exclassics.com/newgate/ngintro.htm>.

Пер. И. М. Эрлихсон

Издатели выразили социальную концепцию календаря: «Усилению идеи наказания способствует запись историй правонарушителей: в этом свете следующая криминальная хронология окажется полезной для представителей всех сословий, ибо на ее страницах запечатлены самые разные примеры, в том числе и тех, кто оказался недостойным своего происхождения, богатства и образования» [The Newgate Calendar ... , 1824, Vol. 1, p. 17, 20]. Видимо, демонстрируя лояльность к власти, издатели подчеркивали преемственность календаря с балладами предшествующего периода, смысловым ядром которых являлось именно нравоучение. По мнению Дж. Шарпа, такая назидательность «служила для светской власти инструментом воздействия... увещевания и запугивания, способным (в отсутствие регулярной полиции) стать моральным барьером для потенциальных нарушителей» [Sharpe, 1985, p. 163].

Издания XVIII столетия постепенно утрачивают подобную риторику, ограничивая дидактизм фронтисписом и предисловием. Тайбернские журналисты запечатлевали и увековечивали героический образ знаменитого преступника — вора и бандита с большой дороги, рожденного в бедности, неоднократно уходившего от закона, фантастически быстро разбогатевшего и «блистательно» завершающего лихую карьеру бенефисом на тайбернских «подмостках» под ликование алчущей кровавого зрелища толпы.

По мнению ведущего специалиста по английской литературе XVIII века Д. Х. Рихтера, криминальная биография стала одним из самых популярных жанров и привела к романтизации образа правонарушителя, поскольку «эти персонажи воплощали тайные фантазии об абсолютной свободе, морально-нравственной, экономической, сексуальной» [Richter, 1999, p. 106]. В одном из политических памфлетов, написанных Даниэлем Дефо под псевдонимом Эндрю Моретона, автор вынес на обсуждение проблему эстетизации преступного поведения: «Джек Шеппард⁴, герой драмы, в сцене триумфального бунта, производит сильное впечатление на посредственные умы; его утонченные манеры, элегантная одежда, карманы, набитые деньгами, убивают стремление зарабатывать на жизнь честным трудом... и вот вам еще один свежееиспеченный негодяй!» [Moreton, 1729, p. 10]. Это, впрочем, не помешало Дефо самому обратиться к эпизодичному «возвеличиванию культа преступника» (литературные персонажи Молль Флендерс и полковник Джек) в произведениях.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX века Ньюгейтский справочник входил в тройку самых популярных изданий (наряду с Библией и Книгой общей молитвы), которые можно было обнаружить в роскошном переплете в библиотеках благородных аристократов и респектабельных буржуа, издания попроще — на полке рядового английского дома. Литературная мода на криминальные истории оказалась долговременной и устойчивой: «Календарь» переиздавался в течение всего XIX века, породив такой жанр детективной литературы, как «Ньюгейтский роман».

Таким образом, английская «площадная литература» XVIII века отражает трансформацию концепта «покаяния»: искреннее сожаление и скорбь уступает место дерзкой бравате и похвальбе, выражению насмешки над властями и приговором. Современный немецкий историк А. Кришер высказал интересную гипотезу эволюции «предсмертного покаяния» и его значения в ритуале исполнения смертной казни. По его мнению, первоначально публичная покаянная речь служила способом подтверждения легитимности вынесенного смертного приговора, поскольку «на карту была поставлена не только репутация процедуры дознания, но и трансцендентная уверенность в виновности осужденного к смерти, которая могла быть подтверждена только его предсмертным словом». Поэтому, убежден Кришер, официальные власти (армия судей, священнослужителей, и тюремщиков) «если это было необходимо, работали с осужденными перед казнью днем и ночью, пытаясь добиться от преступников обращения, раскаяния и христианской подготовленности» [Krischer, 2012, p. 92]. Эту практику, отраженную в криминальной литературе раннего Нового времени, Дж. Шарп и называет «инструментом воздействия... увещевания и запугивания», используемым светской властью в целях превенции преступного поведения (по мнению А. Кришера, еще и для легитимации правосудия). С 1700 года судебная процедура была существенно реформирована, получила юридическую автономию и более не нуждалась в «дополнительных формах легитимации, которые традиционно обеспечивались публичными признаниями». Вследствие этого сначала XVIII века власти «сверху» постепенно отказались от «официальной интерпретации» ритуала смертной казни с обязательным признательным предсмертным покаянием. Получив свободу, концепт «предсмертного покаяния» стал саморегулироваться «снизу», что постепенно придало ритуалу смертной казни черты «плебей-

⁴ Джек (простонар. от Джон) Шеппард (1702–1724) — английский разбойник, грабитель и вор начала XVIII века, живший и действовавший в Лондоне. Прототип литературных героев.

ского карнавала» [Krischer, 2012, p. 95]. В свою очередь, мы проследили, как изменение ритуала постепенно отражалось в английской популярной литературе. Схожую мысль приводит в исследованиях Н. Карначук, утверждая, что «площадная» литература на криминальную тематику не спонсировалась «сверху», следовательно, «оставаясь коммерческим продуктом», по закону спроса и предложения отражала запросы и ожидания публики [Карначук, 2009, с. 86]. Авторы криминальной литературы XVIII века постепенно разрушают сложившиеся законы жанра: преступник по-прежнему обращается к толпе, но уже не сокрушается о содеянном, не просит прощения у Бога. Именно таким он импонирует толпе, которая жадно внимает его предсмертной буффонаде, рукоплещет последнему слову и кровавой кульминации ритуала.

Представляется интересным рассмотреть особенности ритуала исполнения наказаний и его репрезентацию в популярной литературе, выходявшей в рассматриваемый период в английских колониях. Кратко отметим, что собственной правовой системы американские колонии не выработали, уголовное правосудие вершилось на основе механизмов англосаксонского прецедентного права и упрощенного использования британских уголовных статутов. По авторитетному мнению исследователя правовых прецедентов в колониальном законодательстве М. Меранца, «сам процесс колонизации и построения разнородных колониальных сообществ породил правовые системы, которые избирательно заимствовали и искажали правовые нормы, действующие в метрополии» [Meranze, 2008, p. 178]. Высшей мерой уголовного наказания оставалась смертная казнь, исполнение которой также предполагало публичный ритуал.

Значительное воздействие на все типы социальных отношений в колониальный период, и в первую очередь на сферу правосудия, оказывала протестантская религиозность. В суровых условиях колониального быта религия служила важным регулятором социальных отношений, оберегала общественную мораль, семейные и общинные устои. По мнению М. Меранца, «в колониальную эпоху уголовное наказание демонстрировало в общем и целом как религиозную, так и политическую власть по отношению к преступнику» [Meranze, 2008, p. 188]. Пожалуй, именно во влиянии религии на социальные отношения и будет состоять главное отличие колониальных практик XVIII столетия от таковых в метрополии. Если общественные взгляды и настроения в Британии уже затронул либертинаж, с его призывами освободиться от моральных ограничений и окончательно сбросить «ярмо пуританизма», то Америка, напротив, переживала усиление религиозного энтузиазма — первое Великое пробуждение.

Американский исследователь Д. Коухен провел глубокий анализ исполнения судебных ритуалов в Новой Англии и назвал священников «полуофициальными апологетами судебных приговоров» [Cohen, 1988, p. 160]. Предварительная проработка шаблона поведения с осужденным — увещевание, назидание и устрашение, которую в основном брали на себя священнослужители, — склоняла к должному признанию вины и раскаянию, что было необходимо выразить в публичном обращении к членам общины накануне казни. Содержание таких бесед в последующем включали в печатную продукцию, которую можно считать первым гибридом проповеднической и популярной литературы:

Священник (С.): Вы не можете удивляться тому, что люди станут считать вас *Врагами Всего Человечества*. Вы не можете жаловаться на то, что Правительство *вынесет вам Смертный* приговор.

Пираты (П.): Нет, Сэр, мы не можем.

С.: Конечно, Отец Небесный сильно Разгневан на вас за те События, которые вы упомянули в нашем предыдущем Разговоре. Конечно, вы *тяжко согрешили*, совершив те Преступления, которые теперь привели вас к такому Трагическому Концу. Конечно, вы поддались влиянию *дьявола*, обеспечив ему такое *Преимущество* над вами и такое *обладание* вами, которое проявилось в том, что он таким образом *Пленил вас, чтобы исполнить его волю*. Что в вашей *прошлой Жизни* было такого, что сейчас лежит на вас самым тяжелым бременем? <...>

С.: Вы все осознали, что на вас лежит Необходимость *Обратиться* и *Жить* для БОГА?

П.: Да, Сэр.

С.: Чувствуете ли вы, что сами по себе не можете (или, если Он вам не поможет) *Обратиться* и *жить* по Нему?

П.: Да, Сэр.

С.: Признаете ли вы, что вы *недостойны* Его Помощи; и того чтобы Он мог *справедливо утаить* от вас Влияние Его *Благодачи*, которую вы презрели!?

П.: Да, Сэр.

С.: Это *смирение* должно быть заложено в Основу вашего *Обращения* к БОГУ. И теперь вы признаете, что нарушили все *Заповеди* Всемогущего БОГА?

П.: Да, Сэр.

[Mather, 1726, pp. 9–10].

В отличие от британских предсмертных проповедей, обычно не превышавших объем в несколько листов, американские могли составить в печатном варианте от 30 до 50 страниц. Нередко автор начинал рассказ с рождения и детских лет преступника, отражая целый спектр событий: личность преступника, обстоятельства уголовного происшествия и обнаружения преступника, процедуру дознания и кульминационную публичную исповедь — сокрушение о причиненном зле и полное покаяние. В предсмертном обращении осужденный демонстрировал вымученное раскаяние, признавал свою греховность, молил о прощении, назидательно предупреждал других не повторять его ошибок: «Я прошу, чтобы вы старались жить в страхе Божьем и умоляли Бога уберечь вас от плохой компании и даровать вам благодать, и чтобы вы могли правильно использовать все время, которое Бог дает вам, и постоянно молиться Всемогущему Богу через веру в Иисуса Христа, чтобы Бог был вашим проводником в этой жизни и вел вас через темную тень смерти к вечному счастью в грядущем мире, который есть мир совершенных душ» [Sovereign grace ... , 1773, p. 31]. Подобный нарратив, соответствующий ранним английским балладам, к XVIII веку в литературе метрополии, как мы убедились, был практически утрачен.

В отличие от многостраничной печатной проповеди, «уличные листки» колониального периода значительно скромнее своих английских прототипов. Можно предположить, что в колониальных условиях покаянная проповедь вполне могла спонсироваться «сверху» и служить местным властям механизмом поддержания правопорядка и подтверждением легитимности вынесенного смертного приговора. Уличные листки, напротив, напоминают массовый коммерческий продукт, который выглядит весьма скромно в силу объективно ограниченной возможности печати в колониях в рассматриваемый период. Небольшие оттиски с историями в поэтической форме с грубыми гравюрами в технике ксилографии, ориентированные на малограмотную аудиторию, постепенно становятся более востребованными, чем суровые печатные проповеди, отягощенные сложными для восприятия интертекстуальными включениями (рис. 2).

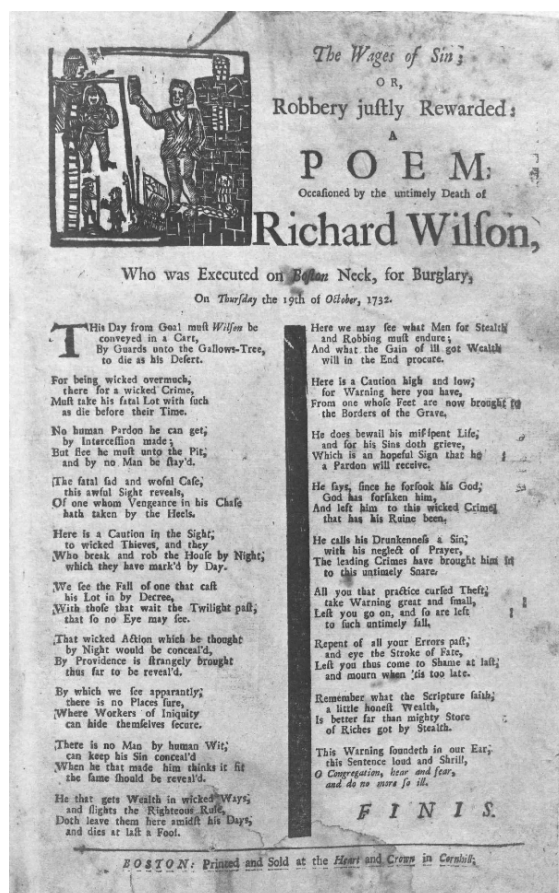


Рис. 2. The wages of sin; or Robbery justly rewarded; a poem occasioned by the untimely death of Richard Wilson, who was executed on Boston Neck, for burglarly, on Thursday the 19th of October 1732. Boston, 1732

Авторы статьи предлагают вниманию читателя две уличные баллады XVIII века с американских площадных листов в оригинальном переводе (Приложение 1). На наш взгляд, в произведениях соблюдены каноны жанра английской криминальной литературы раннего Нового времени. Преступление — в данном случае грабеж — маркировано однозначно негативно, без «флера» героизации или эстетизации: «Свершив это Зло, / Ты добра не достоин»; «Нет умысла злодейского с надеждой на успех, / Чтобы всемиловитый Бог не выявил тот Грех». Заголовки исчерпывающе информативны, сами же баллады назидательны и диалогичны. Покаянная часть занимает большую часть повествования, причем толпе адресованы «предупредительные» сентенции: «И если ты хотел прожить бесстыдным Грабежом, / В тюрьме окажешься, мой друг, со скромным Багажом», «Но может быть казни ужасной угрозы, / Кого-то из вас непременно исправят». Основной же адресат — Бог, от которого преступник уже не ждет помилования, полностью признавая свой грех, но вызывает к прощению «души Мятужника безутешного».

Заключение

Таким образом, нельзя не признать, что влияние Великобритании на складывание рассмотренных нами концептов американской культуры было весомым. Общие с метрополией язык, культура, религия как уникальные элементы структуры социокультурного пространства, интенсивный обмен культурными ценностями, политическими идеями позволяют говорить о британском культурном преобладании. Даже утрата политического единства и статуса колоний в последней четверти XVIII века не означала утраты социокультурного единства, американская национальная идентичность находилась только в стадии формирования. С точки зрения вопроса, поставленного в начале статьи, можем резюмировать, что публичные ритуалы исполнения наказаний и их репрезентация в английской и американской «площадной литературе» в данный исторический период — это, скорее, рецепция, уходящая корнями в единое социокультурное пространство (язык, нормы и ценности протестантской этики, правовая система).

Тем не менее особенности и традиции других народов, составивших в итоге единую американскую нацию, равно как и уникальные исторические события, которые переживали североамериканские колонисты, способствовали динамичному обособлению молодых Соединенных штатов от Великобритании. Построение новой государственности шло во многом через отрицание британских черт, в первую очередь монархии и действующих правовых норм. Авторы Декларации независимости указывают на нежелание короля «давать свое согласие на принятие законов, в высшей степени полезных и необходимых для общего блага» с последующим двухстраничным уточнением. Не случайно сразу после революции американцы в срочном порядке приступили к реформированию уголовного законодательства. Верховный судья штата Пенсильвания Уильям Бредфорд изложил позицию нового правительства в знаменитом эссе «Размышления на предмет того, насколько смертная казнь необходима в Пенсильвании» [Bradford, 1793], где утверждает, что необходимо разорвать с «кровавым» наследием британских кодексов и создать прогрессивную систему наказаний в сочетании с систематическим просвещением народа, правовым воспитанием, укоренением в гражданах убежденности в верховенстве закона и требований его надлежащего исполнения. Серия законов об отмене смертной казни за определенный круг преступлений, в свою очередь, привела к изменению ритуалов и репрезентации в литературных источниках. Идея национальной идентификации получила сильный импульс, а культура обогатилась оригинальными, уже чисто американскими концептами.

Приложение

*Возмездие за грех, или Грабеж, справедливо вознагражденный.
Стихотворение по случаю безвременной кончины Ричарда Уилсона, который был казнен
в Бостон-Нек за кражу со взломом в четверг, 19 октября 1732 года⁵*

В тот день из замковой тюрьмы, исполнив скорбный труд,
Тюремщики Уилсона на плаху повезут.

За то, что он был слишком зол, и сбился он с пути,
Принять он должен жребий свой, до Времени уйти.

Никто его не милует, на помощь не придет,
Когда он в Бездну темную сегодня упадет.

Вот Зрелище прискорбное и случай хоть заплачь,
Когда рукой Возмездия является палач.

Наглядное пособие полунощным Ворам,
Чтоб более не шастали по складам и дворам.

Сегодня вы увидите, как Рок примет Вор,
И в Сумерках забвения он скроет свой позор.

Вот злое Преступление, что ночью сотворил,
По воле Провидения Господь судье раскрыл.

Он знает без сомнения, таких Местечек нет,
Где Вор сумел бы спрятаться и не нести ответ.

Нет умысла злодейского с надеждой на успех,
Чтобы все милостивый Бог не выявил тот Грех.

Тот, кто хотел разбогатеть в момент, без всякий правил,
Такого хитрого Глупца Господь ни с чем оставил.

И если ты хотел прожить бесстыдным Грабежом,
В тюрьме окажешься, мой друг, со скромным Багажом.

Сей стих — дитя раскаянья, предупреждений полн,
Вор видит Яму темную и замогильный Холм.

Слезой раскаянья своей смывает с сердца страх,
С надеждой на Спасение и с верой на устах.

От Бога отвернулся он и сбился вот с пути,
Теперь без Божьей помощи так тяжело идти.

Безбожный, грешный пьяница Молитвой пренебрег
И Бог его от камеры в итоге не сберег.

Для всех адептов Воровства, предупрежденье вам,
Судьбу, по глупости своей, ты выбираешь сам.

Покайся ты в грехах своих, взгляни в глаза Судьбе,
Иначе в скором времени не повезет тебе.

И лучше в мире честным жить, обычным мастерством,
Чем в страхе золото копить преступным воровством.

Предупрежденье это звучит в наших Ушах
Как колокол набатный, в Мирян вселяя страх.

⁵ The wages of sin; or Robbery justly rewarded; a poem occasioned by the untimely death of Richard Wilson, who was executed on Boston Neck, for burglarly, on Thursday the 19th of October 1732. Boston, 1732. Пер. В. В. Туарменского.

*Предсмертные стоны Леви Эймса, казненного в Бостоне
21 октября 1773 года за кражу со взломом⁶*

Вы, молодежь! Пришедшая из мест,
Из тех равнин, где был когда-то проклят
Толпитесь вы, глядя на мой позорный крест.
Не дай вам Бог познать мой горький опыт.

На темные контуры страшной Могилы,
С дрожащей поспешностью я наступаю;
И в свете не сыщешь спасительной силы,
Я к мертвым сегодня, друзья, поспешаю.

Увидеть закат Справедливость мешает,
Мне Смерть обещая спасению вместо,
И скоро Душа моя прочь отлетает,
Где в Вечности ей уготовано место.

Мне кажется, вижу я жалости Слезы,
Оплакать меня вам труда не составит,
Но может быть казни ужасной угрозы,
Кого-то из вас непременно исправят.

Хоть молод я ликом, преступник в сединах,
С такими Закон убедительно краток.
Вся жизнь моя в бедах, несчастьях, руинах,
И это до смерти за Грех мой расплата.

Найдешь ли в Толпе человека такого,
Чтоб был к Грабежу повседневному склонен?
Потом, чтоб оплакивать в замке оковы.
Свершив это Зло, Ты добра не достоин.

В руках Справедливости меч и улики
Слепая она, но карает жестоко.
Пред ликом суровым и хмурым Владыки
Душа моя стонет опять одиноко.

Надеюсь на Милосердие Божие,
Очистит совесть дождем Раскаяния,
Избавить грешника от Ада может
И мук предсмертных Души метания.

О! за луч божественной светлой Любви,
Пронзившего мрачного дня небо;
Готов я радостно к смерти идти,
Где ждет меня неизвестная небыль.

Ты, победивший и Смерть и Ад,
Прощавший уже разбойника грешного:
О! твоим лишь Именем спастись рад,
Прими еще душу Мятежника безутешного.

Вдохновленный твоим Именем,
В Вере правильной укрепляюсь
На твоей Крови искупительной,
К Справедливости приближаюсь.

Прощай мой Грех, сегодня эту Землю покидая,
Чрез Боль к освобождению шагаю.
На Господа лишь только уповая,
Я Душу Ему в руки полагаю.

⁶ The dying groans of Levi Ames, who was executed at Boston, the 21st of October, 1773 for burglary. Boston, 1773.
Пер. В. В. Туарменского.

Список источников

1. Адамова Н. Э. Колонии Новой Англии и метрополия в XVII в.: проблемы идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, История. — 2010. — Вып. 4. — С. 61–65.
2. Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. — М. : Наука, 1966. — 639 с.
3. Гаджиев К. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. — 2011. — № 10. — С. 3–16.
4. Карначук Н. В. Преступление и наказание в английской площадной литературе XVI–XVII в.: индивидуальное переживание и ожидания общества // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 2 (6). — С. 84–87.
5. Карначук Н. В. Темы преступления и правосудия в английской популярной литературе конца XVI — начала XVII в. // Средние века. — 2010. — Т. 71, № 3-4. — С. 331–362.
6. Литературная история Соединенных Штатов Америки / под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т. Н. Джонсона, Г. С. Кэнби. — М. : Прогресс, 1977. — Т. 1. — 607 с.
7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. — Тула : Автограф, 2001. — Т. 2. — 685 с.
8. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. — СПб. : Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1889. — 504 с.
9. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. — 635 с.
10. Bradford W. An Enquiry how far the Punishment of Death is Necessary in Pennsylvania. With notes and illustrations. To which is added, an account of the goal and penitentiary house of Philadelphia, and of the interior management thereof. — Philadelphia : Printed by T. Dobson, 1793. — 108 p.
11. Cohen D. A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly. — 1988. — Vol. 40, N 2. — Pp. 147–164.
12. Curwen S. Journal and letters of the late Samuel Curwen, Judge of Admiralty, etc., a loyalist-refugee in England, during the American revolution. To which are added illustrative documents. — N. Y. ; L. : Leavitt, Trow & Co : Wiley and Putnam, 1845. — 672 p.
13. Fielding H. An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers. etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. — L. : Printed for A. Millar, 1751. — 203 p.
14. Hanway J. The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, particularly in and about the Metropolis ... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation. — L. : J. Dodsley, 1775. — 288 p.
15. Hints for a History of Highwaymen // Fraser's magazine for town and country. Vol. IX : January to June. — L., 1834. — Pp. 279–287.
16. Krischer A. The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment // Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches / eds. V. Depkat, J. Martschukat. — Washington-Baltimore : Woodrow Wilson Center Press, 2012. — Pp. 85–99.
17. Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn. — L. : Printed and sold by J. Roberts, 1725. — 55 p.
18. Mather C. The vial poured out upon the sea. A remarkable relation of certain pirates brought unto a tragical and untimely end. Some conferences with them, after their condemnation. Their behaviour at their execution. And a sermon preached on that occasion. — Boston : Printed by T. Fleet, for N. Belknap, and sold at his shop near Scarlet's Wharf, 1726. — 51 p.
19. McKenzie A. Martyrs in Low Life? Dying «Game» in Augustan England // Journal of British Studies. — 2003. — Vol. 42, N 2. — Pp. 167–205.
20. Meranze M. Penalty and the Colonial Project: Crime, Punishment, and the Regulation of Morals in Early America // The Cambridge History of Law in America. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — Vol. 1. — Pp. 178–210.
21. Moreton A. [D. Defoe] Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. — L. : Printed for Meadows, 1729. — 20 p.
22. Richardson S. Letters Written to and For Particular Friends on the most Important Questions. — L. : Printed for C. Rivington, J. Osborn and J. Leake, 1741. — 272 p.
23. Richter D. H. Ideology and form in Eighteenth-century literature. — Texas : Tech University Press, 1999. — 275 p.
24. Sharpe J. A. «Last dying speeches»: Religion, Ideology and Public Execution in seventeenth-century England // Past and Present. — 1985. — N 107. — Pp. 144–167.

25. Sovereign grace displayed in the conversion and salvation of a penitent sinner, set forth in a sermon preached before the execution of Solomon Goodwin, who was executed at Falmouth, November 12, 1771, for the murder of David Wilson, on the 25th of May last. Published at the desire of many who heard it / By Ephraim Clark, of Cape-Elizabeth, and Pastor of the church there. — Boston : Printed by Joh Boyles in Marlborough-Street, 1773. — 32 p.

26. The dying groans of Levi Ames, who was executed at Boston, the 21st of October, 1773 for burglary. — Boston, 1773.

27. The Newgate Calendar. Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters Who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / by A. Knapp, W. Baldwin. — Vol. 1–5. — L. : J. Robins and Co, 1824–1828.

28. The wages of sin; or Robbery justly rewarded; a poem occasioned by the untimely death of Richard Wilson, who was executed on Boston Neck, for burglarly, on Thursday the 19th of October 1732. — Boston, 1732.

References

1. Adamova N. E. New England colonies and the mother country in the 17th century: Problems of identity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2, Istoriya*. [Bulletin of St. Petersburg University. Series 2, History]. 2010, iss. 4, pp. 61–65.

2. Bolkhovitinov H. N. *Stanovleniye russko-amerikanskikh otnosheniy. 1775–1815*. [Formation of Russian-American relations. 1775–1815]. Moscow, Nauka, 1966, 639 p.

3. Gadzhiev K. National identity: Conceptual aspect. *Voprosy filosofii*. [Issues of Philosophy]. 2011, iss. 10, pp. 3–16.

4. Karnachuk N. V. Crime and punishment in English public literature of the 16th–17th centuries: Individual Experience and Expectations of Society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University]. 2009, iss. 2 (6), pp. 84–87.

5. Karnachuk N. V. Themes of crime and justice in English popular literature of late 16th — early 17th centuries. *Sredniye veka*. [The Middle Ages]. 2010, vol. 71, iss. 3–4, pp. 331–362.

6. *Literaturnaya istoriya Soyedinennykh Shtatov Ameriki. Pod red. R. Spillera, U. Torpa, T. N. Dzhonsona, G. S. Kenbi*. [Literary History of the United States of America. Ed. by R. Spiller, W. Thorp, T. N. Johnson, H. S. Canby]. Moscow, Progress, 1977, vol. 1, 607 p.

7. Tagantsev N. S. *Russkoye ugodnoye pravo. Chast obshchaya*. [Russian Criminal Law. General part]. Tula, Avtograf, 2001, vol. 2, 685 p.

8. Foynitsky I. Ya. *Ucheniye o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniyem*. [Doctrine of punishment in connection with prison studies]. St. Petersburg, Ministry of Transport (A. Benke)]. 1889, 504 p.

9. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsionalnoy identichnosti*. [Who are we? Challenges to American national identity]. Moscow, AST, Translkniga, 2004, 635 p.

10. Bradford W. *An Enquiry how far the Punishment of Death is Necessary in Pennsylvania. With notes and illustrations. To which is added, an account of the goal and penitentiary house of Philadelphia, and of the interior management thereof*. Philadelphia, Printed by T. Dobson, 1793, 108 p.

11. Cohen D. A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825. *American Quarterly*. 1988, vol. 40, iss. 2, pp. 147–164.

12. Curwsen S. *Journal and letters of the late Samuel Curwen, Judge of Admiralty, etc., a loyalist-refugee in England, during the American revolution. To which are added illustrative documents*. N. Y., London, Leavitt, Trow & Co, Wiley and Putnam, 1845, 672 p.

13. Fielding H. *An Enquiry into the Causes of the Late Increase of Robbers. etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil*. L., Printed for A. Millar, 1751, 203 p.

14. Hanway J. *The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, particularly in and about the Metropolis ... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation*. L., J. Dodsley, 1775, 288 p.

15. *Hints for a History of Highwaymen // Fraser's magazine for town and country*. Vol. IX: January to June. L., 1834, pp. 279–287.

16. Krischer A. The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment. *Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches*. Eds. V. Depkat, J. Martschukat. Washington-Baltimore, Woodrow Wilson Center Press, 2012, pp. 85–99.

17. Mandeville B. *An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn*. L., Printed and sold by J. Roberts, 1725, 55 p.

18. Mather C. *The vial poured out upon the sea. A remarkable relation of certain pirates brought unto a tragical and untimely end. Some conferences with them, after their condemnation. Their behaviour at their execution. And a sermon preached on that occasion*. Boston, Printed by T. Fleet, for N. Belknap, and sold at his shop near Scarlet's Wharf, 1726, 51 p.

19. McKenzie A. Martyrs in Low Life? Dying «Game» in Augustan England. *Journal of British Studies*. 2003, vol. 42, iss. 2, pp. 167–205.
20. Meranze M. Penalty and the Colonial Project: Crime, Punishment, and the Regulation of Morals in Early America. *The Cambridge History of Law in America*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, vol. 1, pp. 178–210.
21. Moreton A. D. *Defoe. Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies*. L., Printed for Meadows, 1729, 20 p.
22. Richardson S. *Letters Written to and For Particular Friends on the most Important Questions*. L., Printed for C. Rivington, J. Osborn and J. Leake, 1741, 272 p.
23. Richter D. H. *Ideology and form in Eighteenth-century literature*. Texas, Tech University Press, 1999, 275 p.
24. Sharpe J. A. “Last dying speeches”: Religion, Ideology and Public Execution in seventeenth-century England. *Past and Present*. 1985, iss. 107, pp. 144–167.
25. *Sovereign grace displayed in the conversion and salvation of a penitent sinner, set forth in a sermon preached before the execution of Solomon Goodwin, who was executed at Falmouth, November 12, 1771, for the murder of David Wilson, on the 25th of May last. Published at the desire of many who heard it. By Ephraim Clark, of Cape-Elizabeth, and Pastor of the church there*. Boston, Printed by Joh Boyles in Marlborough-Street, 1773, 32 p.
26. *The dying groans of Levi Ames, who was executed at Boston, the 21st of October, 1773 for burglary*. Boston, 1773.
27. *The Newgate Calendar. Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters Who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers*. By A. Knapp, W. Baldwin. Vols. 1–5. L., J. Robins and Co, 1824–1828.
28. *The wages of sin; or Robbery justly rewarded; a poem occasioned by the untimely death of Richard Wilson, who was executed on Boston Neck, for burglary, on Thursday the 19th of October 1732*. Boston, 1732.

Информация об авторах

Васильева Светлана Анатольевна — доктор исторических наук, доцент, полковник внутренней службы, профессор кафедры философии и истории Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

Сфера научных интересов: интеллектуальная история.

Эрлихсон Ирина Мариковна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: история общественной мысли.

Туарменский Владимир Викторович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института подготовки государственных и муниципальных служащих по кафедре философии и истории Академии Федеральной службы исполнения наказаний России.

Сфера научных интересов: социология культуры.

Information about the authors

Vasilyeva Svetlana Anatolyevna — Doctor of History, Associate Professor, Colonel of Internal Service, Professor of the Department of philosophy and history at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Research interests: intellectual history.

Erlikhson Irina Marikovna — Doctor of History, Professor of the Department of world history and international relations at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: history of social thought.

Tuarmensky Vladimir Viktorovich — Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor at the Institute for training state and municipal employees, Department of philosophy and history, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Research interests: sociology of culture.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 21.01.2025; accepted for publication 28.03.2025.